

УДК 821.161.1'0.09

DOI: 10.32342/2523-4463-2018-2-16-17

Е.В. НИКОЛЬСКИЙ,

*доктор филологических наук, доктор богословия, профессор,
член-корр. Российской академии естествознания,
член-корр. Международной академии богословских наук
Карпатский университет имени Августина Волошина (г. Ужгород)*

«ПОВЕСТЬ О ПЕТРЕ И ФЕВРОНИИ»: СТИЛИСТИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ

В статье подробно анализируется стиль и специфика изобразительно-выразительных средств шедевра древнерусской литературы – «Повести о святых Петре и Февронии». Сама «Повесть...», рассматриваемая в ракурсе поэтики нового времени, содержит в себе ряд черт, позволявших нам интерпретировать ее в качестве новеллы, чему немало способствует развитое в произведениях старомосковского книжника диалогическое начало. Автор приходит к выводу, что писатель XVI ст. сумел создать в рамках житийного канона знаковое произведение, в котором органично сочетаются различные стилистические приемы, получившие дальнейшее развитие в словесности последующих столетий.

Ключевые слова: Ермолай-Еразм, литература XVI столетия, специфика стиля, новаторство писателя, композиция, антитеза, эпитет, функция диалога.

У статті детально аналізується стиль і специфіка шедевра давньоруської літератури – «Повісті про святих Петра і Февронію». Сама «Повість...», розглянута в ракурсі поетики нового часу, містить в собі ряд рис, які давали можливість нам інтерпретувати її як новелу, чому значною мірою сприяє розвинене в творах старомосковського книжника діалогічне начало. Автор дійшов висновку, що письменник XVI ст. зумів створити в рамках житійного канону знаковий твір, в якому органічно поєднуються різні стилістичні прийоми, які набули подальшого розвитку в словесності наступних століть.

Ключові слова: Ермолай-Еразм, література XVI століття, специфіка стилю, новаторство письменника, композиція, антитеза, епітет, функція діалогу.

Изучение стиля и поэтики произведений древнерусской литературы имеет в отечественной филологии давние традиции. В 20–30 гг. XX в. в трудах В.П. Адриановой-Перетц, Н.К. Гудзия этим проблемам удавалось значительное внимание. Но все же эту отрасль нельзя считать разработанной, т. к. многие аспекты остались малоисследованными. Частные произведения, с точки зрения поэтики и стиля, мало анализировались или же не анализировались совсем. Долгое время, как отмечал Д.С. Лихачев, считалось, что древнерусская словесность лишена творческих и стилистических индивидуальностей. Позже после детального анализа некоторых текстов это мнение было отвергнуто.

«Повесть о Петре и Февронии» считается одним из наиболее приметных произведений древнерусской литературы. Изучение Повести началось XIX в. Исследователь Ф.И. Буслаев рассматривал ее сюжет с историко-культурологических позиций. А.Н. Веселовский пытался найти параллели сюжету в фольклоре и литературе Западной и Северной Европы. В.О. Ключевский находил исторические параллели событиям повести и решал проблемы прототипов [6]. В 20-е гг. XX в. не утихали споры об авторстве и времени написания текста. Выдвигались две точки зрения относительно времени написания: XV или XVI вв. В.Ф. Ржига доказал, что «Повесть о Петре и Февронии» была создана в XVI в. и ее автором был книжник Ермолай (в постриге – Еразм), публицист эпохи Ивана Грозного [12; 13].

Стало традиционным, говоря о поэтической структуре повести, рассматривать её в связи с фольклором, при этом игнорируя её связь с (М.О. Скрипиль [14], Р.П. Дмитриева [11], и др.) агиографией, что, на наш взгляд, напрямую противоречит смыслу заглавия. С 80 гг. прошлого века, наоборот, усилилась тенденция рассматривать «Повесть...» как произведение агиографическое, не отрицая при этом и иных литературных традиций повлиявших на её формирование (Мита Аюми [8], О.В. Гладкова [3; 4; 5] и другие). А муромская исследовательница О.А. Сухова считает, что житие Февронии – это путь торжествующего преображения язычницы в истинно верующую христианку [15], этим и обусловлено отсутствие эпитета «благоверная» по отношению к героине в первых частях еразмовой редакции. Интересные суждения о соотношении «Повести» с агиологическим канонem высказал А.Н. Ужанков, который утверждает, что это – целиком житийное произведение, ибо главные герои исполни все Божьи заповеди [16; 17].

Как «классическое произведение» древнерусской литературы «Повесть о Петре и Февронии» вошла в учебники. Ей посвящали эссе, но за слоем общих оценок языка и стиля не было конкретного лингвистического смысла. Между тем «Повесть...» распадается на несколько частей, написанных разными стилями, но, тем не менее, связанных между собой. Композиционно- смысловые особенности текста были проанализированы Р.П. Дмитриевой в ее классической работе «О структуре «Повести о Петре и Февронии» [11].

Исследовательница выделяет в повести 4 части – «новеллы» (термин Р.П. Дмитриевой), сюжетно и формально законченные, но связанные между собой общими героями и развитием действиями. Согласно этой концепции каждая эта новелла (ввиду близости повести к фольклорной поэтике) распадается, в свою очередь, на зачин, завязку, узел, развязку и концовку. Таким образом, в произведении можно видеть 20 микрочастей.

Мы разделяем концепцию Р.П. Дмитриевой, но к уже сказанному хотелось бы добавить следующее. Сведения о персонажах даются в соответствии с каноническими правилами именования святых в православной церкви: «святых новых чудотворцев Муромских» [11, с. 209].

Далее автор выделяет 3 аспекта, характеризующих их святость:

- 1) чудотворцы,
- 2) благоверные и достохвальные князья,
- 3) преподобные.

Но, прежде чем писать о конкретном, автор, следуя традиции древнерусской письменности, повествует о более общих и глобальных проблемах – теологии и антропологических представлениях.

Первая фраза предисловия «Повести» посвящена прославлению Бога. Далее идут сведения о сотворении ангелов, стихий и, наконец, человека. После размышлений о человеке автор вновь возвращается к мыслям о Боге. Повествуя о Нем, Его любви к роду человеческому, о спасении, и, что естественно, он рассказывает в таком контексте историю христианской святой и праведной жизни.

Итак, во вступлении можно выделить несколько тематических пластов: восхваление Бога, размышление о человеке и вновь о Боге, что в тексте оформляется особой фразой: «И да не продолжим... но ни предлежащие возвратимся» [11, с. 200]. Далее следует упоминание об истории христианства и путях праведной жизни. Заканчивая эту часть и переходя к повествованию о житии святых, автор отмечает этот поворот словами: «О них нам слово прилежит» [11, с. 200]. Предисловие написано в стиле «плетением словес», что вполне соответствует задачам этой части текста. Подробнее об этом будет сказано ниже.

Стиль основной части «Повести» исследователи традиционно относили к «умиротворяющему биографизму» (термин Д.С. Лихачева), что объясняется:

- 1) общими тенденциями в развитии русской литературы,
- 2) художественными задачами самого автора.

У самого Ермолая-Еразма специальных переходов от одного стилистического пласта к другому выравнивающих словесных конструкций нет, если не считать тех немалочисленных святок, которые соединяют отдельные пласты текста.

Элементы стиля «плетения словес»

Стиль «плетения словес» в полной мере не проявляется в произведении. Характерен он только для вступления и заключения. Тематические эти части текста дифференцированы от собственно жития. В них автор рассматривает общефилософские и богословские проблемы, в то время как изложение биографии муромских князей мыслится как иллюстрация к этим проблемам.

Стиль «плетение словес» проник в Россию в XIX в. в ходе «второго южнославянского влияния». Д.С. Лихачев отмечает основные философские и лингвистические черты этого стиля: «Слово... было сущностью явления. Назвать вещи – означало понять их. С этой точки зрения, языку церковных писаний отводилась первенствующая роль в познании мира. Отсюда... стремление к тому, чтобы словесные выражения вызывали такое же самое настроение, чувство, как и само явление, стремление создать из письменного произведения своеобразную икону... превратить литературное произведение в молитвенный текст» [7, с. 45].

Предисловие к этому произведению являет собой размышления автора о Боге и человеке, нравственности и пороке.

В заключение автор восхваляет Царя небесного, святых и рассуждает о художественном творчестве. Таким образом, тематический пласт произведения, относящийся к стилю «плетения словес», отделён от стиля основной части. Отчасти именно поэтому автор называет свое произведение не «Житием», а «Повестью от Жития».

Размышляя о стиле «плетения словес», академик Д.С. Лихачев писал: «...Напряженные поиски мысли, поиски эмоциональной выразительности, стремление к экспрессии основывались на том убеждении, что житие святого должно быть написано подобными словами и вызывать благоговение, как и он сам: отсюда бесконечные сомнения автором и поиски... выразительности, экспрессии, адекватной словесной передачи сущности изображаемого» [7, с. 45].

Итак, в финал автор внес следующие строки: «Да и помяните же и мене прегрешнаго, списавшего сие, елико слышах, не ведаю аще ныне написали, ведущее выше мене» [11, с. 229].

Следует отметить, что в качестве характерных черт для стиля «плетения словес» академик Д.С. Лихачев выделял несколько аспектов:

1) нанизывание синонимов (для нашего случая можно привести такой пример «все святые... страдавшие в скорбях, бедах, теснотах»; Богу – «воспеваемому и хвалимому и славимому» [11, с. 209–211].

2) повторы: «И да не продолжим..., но на предлежащие возвратимся» [11, с. 211].

3) внимательнейшее отношение к слову, его звуковой стороне.

В данном тексте эти стилиевые черты в полной степени не проявились, хотя присутствуют слова с общими корневыми «о», «е» в близком контексте, так например, «... той же Бог Слово, Сын Отчъ благоволи родиться на земли плотию» или же «Безстрастие же его неизреченно есть» [11, с. 210].

4) внимание к этимологии слова (сплетение однокорневых слов и т. д.), повтор однокорневых сочетаний. В полной степени эти черты в тексте так же не проявляются, но часто употребление приставки «без» («безстрастие», «безначальному»).

5) внимание к тонкостям семантики: в нашем случае лучшим примером послужат начальные слова, характеризующие Бога: «воспеваемому» и «хвалимому», и «славимому», и «почитаемому», и «превозносимому», и «исповедаемому», и «верумому», и «благодаримому» [11, с. 209].

Д.С. Лихачев особенности стиля «плетение словес» объясняет следующим образом: «Поиски слова, нагромождение эпитетов, синонимов и т. д. находили из тех же представлений о тождестве слова и сущности, Божественного писания и Божественной благодати» [7, с. 59].

Как отмечалось выше, стиль предисловия и заключения отличались от языка основной части. Приведем пример из основной части: «Да везите мя, где есть девица. И привезоша в дом, где бе девица» [11, с. 231].

Из примера видно, что преобладает простой синтаксис, без особенных украшений стиля. Напряженных поисков слова не наблюдается.

Другой пример из текста подтверждает это наблюдение: «Князь же Петр поехал во отчину свою, град Муром, здравствуй. На нем бе один струп непомозан, повелением девичьим. И от того струпа начаша многи струпы, расходитися на тем же» [11, с. 233].

Для противопоставления приведем отрывок из предисловия: «По распятии же Господь Наш, Иисус Христос тридневно воскрес, и в четыредесятый день вознесся на небеса, и сиде одесную Отца, и пятидесятый день ото Отца послав Дух Святыи на святыя свои ученики и апостолы» [11, с. 211].

В сравнении с основным текстом отрывок поражает обилием витиеватости, сложным сочетанием слов в структуре одного предложения. Другой фрагмент текста подтверждает нашу мысль: «Бог же безначальный, создав человека, почти и, надо всем земным существом царем постави и, любя же в человечестии роде праведники, грешныя же милуя, хотя всих спасти и в разум истинный привести» [11, с. 210]. Итак, стиль предисловия и основной части текста разнятся, что вызвано различными задачами и замечаниями автора.

Стиль «умиротворяющего биографизма»

Нам близка концепция академика Д.С. Лихачева в том, что произведение относится к стилю, получившему название «умиротворяющего биографизма», ведь автору важно было создать образы идеальной женщины, мудрой целительницы, благоверной княгини, верной жены, добродетельной инокини, а также любящего брата, благоверного князя, воина, доброго монаха.

Поэтический стиль отличается простотой, что создается особым подбором языковых средств. Весь текст, как правило, состоит из небольших предложений, по три, пять-семь слов в каждом (в простом предложении с однородными сказуемыми или однородными членами до 10 слов); в менее частотных сложных предложениях – от 7 до 18 слов. Да и сложные распадаются легко на простые.

К примеру: «Един от предстоящих ему юноша, уклонился в весь нарицаемую Ласково. И приди к некому дому вратом // и не виде никого же, и вниде в дом // и не бе, кто его чюл» [11, с. 214].

Или: «Имяще же обычай по церквам уединения. Бе вне града церковь в женстем монастыри Воздвижения Честнаго и Животворящего Креста Господня» [11, с. 233].

Здесь, да и во всем произведении, полностью отсутствует проявление какой-либо инверсии, отступления от обычного для русского речи порядка слов. Можно отметить, что сам текст приобретает колорит, близкий к разговорной речи. Сложноподчиненные предложения лишены тяжелословесности, поскольку они легко распадаются на простые.

На текстовом примере этот принцип хорошо иллюстрируется: «Имея же у себе присного брата, именем князя Петра; во един же от дней же призвав его к себе и нача поведати змиевые речи, яко же рекл же есть жене его. Князь же Петр слышав от брата своего, яко нарече змий... о смерти своей, нача мыслити несумняшася мужественне, како бы убити змия» [11, с. 212].

Хотелось бы отметить, что даже сложные конструкции в повести отличаются от витиеватых конструкций риторического стиля. Для сравнения приведу отрывок из «Жития святого Сергея Радонежского»: «Мария же, мати Его от дне того, о Нем же бысть знамение таковое и проявление, от того убо прыбаваше до времени рождения Его и младенца в утробе носяще, **яко некое сокровище многоценное, и яко же драгий камень.... и яко сосуд избран**». (выделено мною – Е.Н.) [10, с. 256].

Установка на то «елика слышах» [11, с. 222] оправдывает нарочитую простоту стиля, что проявляется в достаточно безыскусственных синтаксических конструкциях в том, что в основной части текста практически отсутствуют элементы стиля «плетения словес», в лексике, эпитетной и синтаксической синонимии, в малочисленности тропов и фигур. Несколько отступая от темы лингвистического анализа стиля, хотелось бы выделить еще один аспект мотивации простоты изложения. Автор – смиренный инок, не считает прославление святых своей заслугой, писал его делом Божиим: ибо святых «прославлет и венчает на небесех истинныма нетленными венцами Владыка Христос» [11, с. 223].

Л.Н. Норейко отмечает, что лексика памятника тоже проста, т. к. большое количество слов употребляется в переносном значении, в отличие, например, от «Жития Стефана

Пермского» [9, с. 111]. Книжные слова используются для характеристики действия, а не его оценки, основная стихия текста близка к разговорной. В повествование вводятся вымышленные речи героев, действие домысливается с точки зрения общих норм христианской морали. Домысливается из назидательного истолкования событий.

В «Повести» значительное место (около ¼ текста) занимает диалог и другие формы «чужой речи». В ракурсе «умиротворяющего биографизма» появление таких форм вполне уместно. Этот стиль ставит человека и его внутренний мир во главу угла. А раскрытие человеческого мировосприятия, чувств и добродетели лучше проявляется через речь. Подобно тому, как при обычном вербальном общении люди познают друг друга, т. е. через введение речи героя в текст автор создает свои образы, делая их яркими и привлекательными.

Естественно, что в точности воспроизвести речь героя жизни через много лет после его смерти невозможно, и поэтому все реплики исторически условны, но верны художественно. В этом и заключаются элементы новизны и «домысливания», которое характерно для автора, не смотря на его установку «елиху поведяху», характерным примером этого явления становится диалог княгини Февронии и гребца в ладье: «Едина, госпоже, вода»... Паки же она рече сице: «И естество женско едино есть» [11, с. 218].

Итак, основной текст «Повести» представляет собою отражение «умиротворяющего биографизма» с установкой на простоту изложения.

В финале «Повести о Петре и Февронии» автор вводит элементы акафистного стиля. Его цель – создание молитвенного настроения у читателя, желание сформировать почитание святых в широких массах верующих. Акафист особое хвалебное и молитвенное песнопение в честь Бога или Богородицы и святых, исполняемых стоя. Акафист состоит из 25 отдельных песнопений – последовательно чередующихся 13 кондаков и 12 икосов. Каждый кондак (кроме первого) завершается возгласом «Аллилуйя»; все Икосы состоят из возгласов «Радуйся».

Акафисты – широко распространенное явление в Православной словесности. Обычно акафист ассоциируется с молитвой и богослужением. Составление первых акафистов относится к VII в. нашей веры. Первым образцом этого жанра стал акафист Богородице, предположительно составленный в 627 г. патриархом Сергием в честь избавления Константинополя от аваров.

Акафист состоит из кондаков, в которых начинается изложение идей гимна. Икос состоит из нескольких возгласов (обычно их не более 12) «Радуйся», за которыми обращение и характеристика или же перифраз – прямое или же метафорического титулование лица, в честь которого и сложен акафист. Следует выделить, что в каждом акафисте парафраз является сугубо контекстуальным, хотя, возможно, и традиционным. Можно выделить и то, что после традиционного возгласа – эпифоры «Радуйся» может следовать не просто перифраз (своего рода развернутый эпитет), а целое предложение, характеризующее святого или Бога, восхваляющее деяния. Это предложение может включать в себя и обращение.

В нашем случае акафистная вставка состоит из важных обращений (3 – князю Петру; 3 – княгине Февронии; 2 – сразу к ним вместе).

В обращении к своим персонажам Ермолай-Еразм избегает перифразов, характерных для византийской гимнографии, а использует для восхваления фразу, повторяющую в своем содержании жизненный путь героя.

«Радуйся, Петре, яко дана тебе бысть благодать
убити летящего свирепого змия!
Радуйся, Февроние, яко в женстей слабости
Святых муж мудрость имела еси!» [11, с. 220].

Для данного вкрапления акафистного стиля характерно употребление обращений, т. е. речь идет о двух персонажах. Традиционного же для византийской гимнографии витийства нет. Возможно потому, что заслонение героя стеной метафорических образов не входило в художественные задачи писателя; а во-вторых, стремление к простоте присутствует и здесь и превалирует над метафоричностью.

Характеристика сравнений

Сравнения, используемые в данном тексте, немногочисленны. Нельзя сказать, что текст изобилует ими. В то же время невозможно не отметить их важность для формирования представления о системе стилистических приемов, используемых автором «Повести».

По своей языковой структуре сравнения разнородны. Можно выделить как простые, так и сложные сравнения, состоящие из большого количества слов или синтаксических связанных между собой придаточных и детерминант.

Приведем пример сложного сравнения. О сложном пути христианина-праведника автор рассуждает так: «Аще... ли же во Христа облечешся, да не отступают от заповедей Его, не яко льстицы и блазнители, по крещении своем оставльши заповеди Божия и лъстяше ся миры иго красотами, но яко же святые пророцы и апостолы, тако же и мученицы и все святые, Христа ради страдавшия в скорбех, в бедах, в теснотах...» [11, с. 221].

Интересна сама по себе структура этого сравнения. В данном случае праведники сравниваются со святыми первых веков христианства. Приводится смысловая антитеза, где раскрывается (притом очень подробно) каждое понятие и явление.

Смысл «праведничества» как факт нравственной категории в произведении рассматривается с помощью сведения целого синонимического ряда, раскрывающего сущность добродетели с разных сторон. Синтаксическая структура этого сравнения сложна: к самому предмету сравнения (кстати, автором опущенному, т. о., получается, своего рода, эллипс) примыкают иные части сложной синтаксической конструкции, поясняющие смысл сравниваемого и сравнимого. Троп этим не заканчивается. После перифразы, характеризующей Бога (Ведущий тайны сердечные), следует развитие темы: «ими же землю просветил есть, яко же небо звездами укрыл, почтив их чудотворениями ових ради мужества... и смирения, яко же сих, святых прослави, о них же слово прилежит» [11, с. 211].

Эта синтаксическая конструкция примыкает к основному тропу сравнения только текстообразующими связями. Семантического взаимоотношения между ними нет, но появление в данном фрагменте текста (тематически раскрывающего категорию христианской святости) оправдано идейными замыслами и художественными задачами автора, т. к. святость человека – загадка, поэтому «Житие», вся «Повесть...» полна недосказанностей и намеков. Автор вводит также еще одно сравнение, интересное сложностью построения: «и пребывает в человецех ум, яко Отец слову, слово же исходит от Него, яко же Сын посылаемо» [11, с. 210].

Синтаксически связанные два оборота, раскрывают здесь одну из идей автора, который размышляет о человеческой сущности. Он полагает, что троичность Бога проецируется на троичность человека: Бог-Отец-Ум; Бог-Сын- Слово; Бог-Дух Святой-Душа.

Такие теологические, философские и антропологические размышления о святости, праведности, Боге и человеке приведены автором в предисловии к повести, где появление подобных общих философско-теологических мотивов тематически оправдано употреблением стиля «плетение словес».

В основной части текста, относящегося к стилю «умиротворяющего биографизма», сравнения менее сложны, но не менее интересны. Употребляется здесь этот троп с целью характеристики действия или персонажа:

1. (Феврония) «взимает в руку свою крохи, яко гладки» [11, с. 217].

2. (бояре) «начинаши простирати бестудные свои гласы, яки псы лающе» [11, с. 218].

В данном случае характеризуются деяния персонажей в сопоставлении с поведением голодного человека, неприятными ощущениями, вызванными лаем собак. Благодаря этому создается образ, который позволяет заострить внимание на более узловых моментах текста. Данные сравнения употреблены тогда, когда сюжетное напряжение нарастает. Это моменты напряжения и оправдания княгини Февронии, начало ее чудотворений.

Первый ракурс, где используются сравнения – это характеристика автором деяний Петра и Февронии как благоверных князей и добрых правителей. Здесь в важном моменте в смысловом отношении Ермолай прибегает к элементам стиля «плетения словес». Но уже не сравне-

ния становятся языковым центром отрывка: «Ко всем, под их властью суших, аки чадо – любые отец и мать. Беста граду своему истинные пастыря, а не яко наймники» [11, с. 220].

В сравнительных конструкциях используется только два союза: «яко» и «аки», которые и употребляются в сравнительной функции, в то время как союз «како» в данном контексте не употребляется. Ермолай использует союз «аки» в сравнительном контексте всего два раза (в остальных случаях – «яко»).

Это – дань традиции или канону, т. к. этот союз употребляется при описании благочестивого управления городом. Тем самым в повторении темы «благочестивый правитель» (традиционной для древнерусской литературы) у автора проявляется стремление к книжности, что выражается в употреблении ставшего книжным союза и традиционного книжного сравнения.

Второй случай, где используются сравнения, – это сравнительный троп «аки псы лающе» употреблен в составе осложненного синтаксически книжного оборота «и егда же быша весьма начаша простирати бестудине своя гласы, аки псы лающе, неведуще у святых Божий дар» [11, с. 218].

В данном контексте, где изобилует книжный элемент, появление союза «аки» тоже оправдано. В остальных случаях употребляется союз «яко». Употреблен он и в предисловии, практически целиком написанном в стиле «плетение словес». Таким образом, можно предположить наличие стилистической диффузии в языке «Повести о Петре и Февронии Муромских», т. е. взаимопроникновение из разных стилистических пластов произведения элементов, в т. ч. союзов и сравнительных конструкций, в другие части текста, написанного в ином стиле. Но подобного рода диффузия не достигает еще уровня эклектики, как в произведениях Ивана Грозного, но все же можно говорить о некой общей тенденции развития русского стиля во второй половине XVI в.

Можно выделить и еще один аспект изучения сравнений: в «Повести» употребляются как положительные, так и отрицательные сравнения, что формируется с помощью союзов: «яко» и «не яко».

Можно предположить, что автор использует отрицательные сравнения для лучшей характеристики действия или героя. Их всего два («не яко наймники»; «не яко льстицы и блазнители»): первое – употреблено для характеристики управления городом; второе – характеристика описания.

Таким образом, сравнения не создают в «Повести» определенных красот стиля, но их употребление соразмерно авторским задачам, и их место в тексте оправдано идейно-художественным своеобразием произведения.

Антитеза и ее функция

В «Повести» отношения добра и зла, добродетели и порока представлены довольно ярко. Это дает нам основание говорить об антитезе как о важном приеме организации стиля и композиции текста.

В предисловии к «Повести» Ермолай, размышляя о путях христианской нравственности, противопоставляет добродетель и порок как формы человеческого бытия: «не яко льстицы и блазнители по крещении оставльше заповеди Божия и льясяша ся мира сего красотами, но яко святые пророцы и апостолы, тако же и мученицы и вси святые» [11, с. 211].

Здесь автор, используя многие приемы, в т. ч. и сравнение, нанизывание синонимов и т. д., формирует сложную антитезу – противопоставление праведного и неправедного поведения. Размышляя таким образом, автор подготавливает читателя к осмыслению общих вопросов с тем, чтобы продемонстрировать свои представления частным примером – житием святых князей города Муром.

В данном случае, когда описание порока и добродетели, следующие поочередно друг за другом, представляют собою прямую антитезу, четко и явно оформленную. В основной части текста подобных противопоставлений нет, но есть немаловажные для понимания всего стиля и проблематики случаи не прямой антитезы, – семантического противопоставления или противопоставления по характеристике, что выражается в умелом стилистическом использовании автором контекстуальной антонимии.

Примером может послужить эпитет, которым автор характеризует персонажей. «Змий» устойчиво именуется «неприятным», его противник и победитель, князь Петр – «блаженным» или «благочестивым»: «Змию же... бысть мертв, и окропи блаженного князя Петра кровию своею, он же от неприятная тоя крови острупе» [11, с. 213].

Можно отметить семантический характер антитезы «неприятный» и «блаженный»: блаженный – эпитет, характеризующий добро; неприятный – зло; неприятный и благо (последнее в составе слов благо верный и блаженный) в контексте произведения воспринимаются как антонимы.

Следующий случай употребления антитезы – это противопоставления героев по социальному признаку: «како князю сущу древолазца дщи пояти себе жену» [11, с. 213]. Здесь можно заметить, что антитеза носит контекстуальный характер. Слова «древлазец» и «князь» в ином случае не могут иметь противоположного смысла. Сталкивая определения социальной противоположности своих героев, автор заостряет проблемы и делает этот случай антитезы «экспозиций» дальнейшего развития сюжета «Повести», что далее повторяется в сходной по своей композиционной и смысловой нагрузке фразе: «не восхоте пояти ю жену отечества ее ради» [11, с. 213].

В третьей части «Повести» автор вводит еще одну антитезу: «Княгине же его Февронии бояре его не любяху жен своих ради, яко бысть княгини не отчества ее ради; Богу же прославивлеущу ю добраго ради жития ея» [11, с. 217]. В данном случае можно отметить смысловой характер данного противопоставления: «земное и недоброе» в глазах бояр и «вечное и лучшее» со стороны Бога как аспект характеристики княгини Февронии.

В третьей части встречаются и другие случаи смысловой антитезы. Описывая поведение благоверного князя, прежде всего почитающего Бога: «яко сам (т.е. каждый боярин) хошет самодержец быти» [11, с. 218], автор противопоставляет их поведение с нравственной точки зрения. Характеристики бояр «злочестивые» и князей «благочестивые» на лексическом уровне формируют ту же антитезу.

Если рассматривать это противопоставление шире, то можно отметить, что, вообще, сюжет третьей части, конфликт которого проявляется в столкновении князя и бояр, представляет ту же антитезу на ином, более высоком, уровне текста.

Итак, можно отметить, что антитеза – распространенный прием, т. к. это проявляется на лексическом (эпитеты), фразовом и сюжетно-тематическом уровнях и представляют собой отражение полноты мышления древнерусского книжника.

Характеристика эпитета

Характеристика особенностей стиля «Повести о Петре и Февронии» была бы неполной без учета эпитетов, которые передают отношение автора к персонажу, создают особый эмоциональный настрой, выступают в роли характеризующего средства. В своей работе «Историческая поэтика» А.Н. Веселовский отмечал, что история эпитета – история стиля в кратком изложении.

Для нашего исследования это замечание важно тем, что можно проследить формирование индивидуального стиля в древнерусской словесности. Обычно эпитеты делят на традиционные и выразительные. Отметим, что наименование князей – «благочестивый» вне зависимости от того, был ли тот или иной князь канонизирован или нет, употребляется в «Повести» как украшательное средство, но в то же время и как характеризующее. Этот эпитет употребляется по отношению и к князю Павлу: «в нем самодержителю благоверный князь Павел» [11, с. 211]. Выражение «благочестивый князь» здесь представляет фразеологизм, т. к., с точки зрения автора, князь не могли не быть благоверными.

Описывая кн. Петра и кн. Февронию, автор текста предпочитает их именовать «блаженными» или же «преподобными». К концу «Повести» количество этих эпитетов значительно возрастает, т. к. автор расширяет понятие «благочестивые князья», внося в него не только «благочестие и мудрое управление городом», но и чистую и нравственную жизнь, и, наконец, иночество.

Можно отметить одну особенность в употреблении эпитетов «блаженный» и «благоверный»: в основном автор прибегает к ним для характеристики князя Петра. По отношению к князю Петру эпитет «благоверный» – 4 раза, «блаженный» – 5 раз, «святой» – 2 раза, «преподобный» – 3 раза.

Княгиня Феврония, как главное действующее лицо, характеризуется по-разному, различными эпитетами: «мудра», «красна», «предивная», «дивная», а также «блаженная» и «преподобная». Эпитет «благоверная» употребляется только в заголовке, в основном тексте его нет.

Эпитеты «мудра», «красна», «предивная» и «дивная» являются выразительными, которые характеризуют княгиню Февронию. Они употребляются в основном в первой и третьей частях, в четвертой части в основном используются традиционные. К ним относятся эпитеты – «блаженная» и «преподобная». Интересен случай употребления в одной фразе двух разных определений: «блаженный князь» и «преподобная княгиня». Его можно объяснить тем, что восприятие персонажей у автора неодинаковое.

Можно отметить и то, что выразительные эпитеты характерны для описания княгини Февронии в большей степени, чем князя Петра.

Отрицательные персонажи характеризуются традиционно:

Змий – «лукавый» и «злокозненный» – 1 раз, «неприятливый» – 2 раза, «летающий» – 1 раз.

Боляре – «неразумные» – 1 раз, «злочестивые» – 2 раза.

Итак, эпитет является важным средством создания образа и авторской характеристикой, примечательно введение выразительных эпитетов в контекст, что создает эмбриональные элементы индивидуального стиля.

Функция диалога

Реплики персонажей занимают в «Повести» примерно четвертую часть текста. Общее число диалогических реплик составляет 60, если не считать (чисто монологических) обращений в финале автора к своим персонажам св. Петру и св. Февронии, составляющих «*Locis communi*» древнерусской литературы.

Объем речевых реплик варьируется от нескольких слов до микротекста, состоящего из нескольких сложных синтаксических конструкций. Так, например, в первой части «Повести» обращение князя Павла к своей жене, изнемогающей от посягательств змия: «Мыслю, жено, но недоумеюся, что сотворити неприязни тому. ...Аще убо глаголеть к тебе каковыя словеса, да воспросиши и с лестию и о сем: вест ли сей неприязненный духом своим, от чего ему смерть хочет быти. Аще ли увеси и нам поведаеши, свободимся не токмо в нынешнем виде злаго ...еже смрадно есть глаголати, но и в будущий век нелецемернаго суда Христа милостива себе сотвориши» [11, с. 211–212].

На такое пространное сообщение интерактивного характера следует простой лаконичный ответ: «Добро тако буди».

Естественно, что количественное превалирование диалога среди причин художественных средств ведет за собой качественные изменения его художественных функций.

Следует отметить также и то, что, помимо прямого диалога, в «Повести» используется диалог скрытый, т. е. пересказ авторских реплик своих персонажей. Например, в начале второй части автор повествует: «Слыша же, яко мнози суть врачеве в пределех Рязаньския земли, и повеле себе тамо повести, не бе сам мощен на кони сидети от великия болезни...» [11, с. 213].

Касательно, собственно, авторской речи, в узком смысле этого слова, можно сказать, что функции ее весьма ограничены. Ремарки «традиционно» выполняют роль текстовой связки, т. е. перехода от повествования к диалогу.

Начальные и финальные обращения играют, конечно, более значимую роль. Их цель – настроить воспринимающего «Повесть» (устно или письменно) на особое молитвенное прочтение текста, чтение – как «со-содействия» читателя, автора и персонажа, тем

самым подготовить читателя к восприятию образов главных героев, речь которых является основным верным способом раскрытия их образов.

Эту функцию предполагается назвать протоперцептивной, а в финале – постперцептивной: когда автор, раскрыв образы героев, расставляет все точки над «і», **призывая** читателя к таинству молитвы святым угодникам, чьё Житие он повествует. Следует отметить, что функционирование авторской речи в данном контексте новаторское.

По такому же принципу действует «авторская речь» и в более раннем памятнике русской антологии: «Житие св. Сергия Радонежского» (конец XIV в. – начало XV в.), написанным Епифанием Премудрым.

Таким образом, автор творит в рамках традиционной поэтической системы древнерусской литературы.

Что же касается функционирования «чужой» речи, то здесь картина обстоит иначе. При последовательном анализе выделяется ряд функций, обуславливающих активное введение в текст повести «чужой речи». Во-первых, это «традиционная» внешняя перцептивная функция, т. е. раскрытие образов главных персонажей: Петра и Февронии, перед читателями. Из их речений становится ясно, что князь Петр не только человек, почитающий брата и сноху, любящий молитвенное уединение и паломничества по монастырям, мудрый правитель, «отец... странноприимник», что видно из описательной части в первой и третьей новеллах «Повести», но и человек осторожный, заботящийся о сохранении жизни своего брата и, отчасти, «конформист», т. к. Феврония, дочь бортника, «недостойна» быть княгиней по княжеским законам.

Но если при характеристике образа князя Петра Ермолай-Еразм использует значительный массив слов в повествовательной части произведения, то образ Февронии, не только главной, но и центральной героини «Повести» раскрывается практически только посредством диалога, Исключение из этого правила – описание управления городом, сцена перед смертью (единственный повествовательный момент, описывающий ее благочестивое поведение), отчасти смещение диалога и жеста во время изгнания, эпизод на пиру, когда «крошки превратились в ладан».

Но, что небезынтересно, автор нигде не говорит о привычках Февронии, не описывает ее благочестивое поведение. Может быть потому, чтобы позволить читателю самому создать ее облик на основе собственных ассоциативных связей. (Пожалуй, это явление и позволило Алексею Ремизову изобразить Февронию не святой подвижницей, а колдуньей, сохраняя, однако, в своем переложении «Повести» загадочность образа Февронии.) В ее характеристиках, помимо собственно «чужой речи», используется и психологическая деталь, которая, контактируя с диалогом, становится индивидуально образным средством создания характера, что, скорее всего, является новаторским в русском литературном развитии XVI в.

Следующая функция «чужой речи» относится не к внешнему функционированию повести, а к ее «внутреннему движению», что проявляется двояко – в образовании сюжета и четкой новеллической композиции, и в «психологическом движении» персонажей.

Как известно из социальной психологии, человеческое общение разделяется на три части:

1. Коммуникативную, т. е. передача сведений;
2. Интерактивную, т. е. побуждения к действию;
3. Перцептивную, т. е. восприятие человека человеком.

Общение подразделяется еще на вербальное и невербальное.

Позволим предположить, что в «Повести о Петре и Февронии» большую роль, в отличие от произведений Л.Н. Толстого, в которых описывается множество состояний и характеристик улыбок и глаз, ведущую роль играют вербальные аспекты коммуникации. Передача информации и побуждение к действию – два основных аспекта в динамике повести. Вполне естественно, что именно они образуют сюжет, воплощаясь в ряде диалогов, контактированных с жестами.

Сюжетообразующая роль диалога в данном произведении была проанализирована в исследовании Р.П. Дмитриевой [11]. Однако более привлекательной для исследования яв-

ляется роль диалога в перцептивном аспекте коммуникации, т. е. во взаимопознании персонажей «Повести».

Наиболее ярко эта деятельность воплощается во второй новелле повести: во внутреннем и внешнем раскрытии образа Февронии. Здесь, что небезынтересно, диалог, как таковой, становится наиболее выразительным в своих художественных функциях. Вводятся индивидуально образные обороты речи и тропы, скрытый смысл которых требует особого разъяснения в тексте повести новым речением.

Раскрытие образа Февронии происходит дважды: сначала это делает княжеский слуга, а затем, в ходе своеобразного испытания, сам князь Петр. При этом выясняется позиция каждого персонажа: князь Петр – исцеление любыми средствами, даже путем обмана; Феврония – самопрезентация, помощь страждущему, возможность благословенного брака. Следует особо отметить, что здесь включаются художественные механизмы «внутренней речи», что позволяет четче прояснить позицию героев «Повести».

Диалог позволяет также прояснить степень активности жизненной позиции персонажа. Выходит, что князь Петр, ввиду воспитания и личных психологических свойств более склонен к пассивности; Феврония занимает на протяжении всей повести активную позицию, сохраняя ее даже в предсмертном диалоге.

В сюжетобразующей функции диалог выступает на протяжении всей «Повести». Реплика одного персонажа влечет за собой реакцию другого, что складывается в традиционную уотсоновскую формулу бихевиоризма: «S – R» – стимул – реакция. Р.П. Дмитриева в своем исследовании отмечает последовательные формы осуществления этого принципа на протяжении всей повести.

В свою очередь, диалог, особенно в начальных частях каждой из новелл, составляющих повесть, где сюжетное напряжение очень высоко [11, с. 32], становится важным элементом для образования «составной новеллы» [1, с. 130], т. е. в виду своей значимости становится и, может быть, экспрессивности, является важным жанрообразующим элементом.

Жанровым признаком новеллы являются:

1. Объективное, многостороннее изображение поведения людей, их сознания и поступков. В новелле через диалог изображаются психические переживания героев, их личные взаимоотношения. Однако все это не означает, что новелла лишена социального и исторического содержания.

2. Драматизм, воплощенный в сюжетных и стилевых особенностях новеллы, является основным ее жанровым признаком, что отличает ее от более спокойного и эпического рассказа.

Исходя из этого, отметим, что «Повесть...», рассматриваемая в ракурсе поэтики нового времени, содержит в себе ряд черт, позволивших нам интерпретировать ее в качестве новеллы, чему немало способствует развитое в произведениях старомосковского книжника диалогическое начало.

Итак, в этом, на наш взгляд, заключается одна из граней своеобразия художественного мышления Ермолая-Еразма, сумевшего создать в рамках агиологического канона знаковое произведение, в котором органично сочетаются различные стилистические приемы, получившие дальнейшее развитие в словесности последующих столетий.

Список использованных источников

1. Антонова М.В. Творчество Ермолая-Еразма, писателя XVI века: дис. ... канд. филол. наук / М.В. Антонова. – М., 1989. – 210 с.
2. Беглов А.Л. Испытания для Петра и Февронии: история любви / А.Л. Беглов Электронный ресурс. – Режим доступа: <https://www.pravmir.ru/isyptaniya-dlya-petra-i-fevronii/> (дата обращения 21.09. 2018).
3. Гладкова О.В. Житие Евстафия Плакиды в русской и славянской книжности и литературе IX–XX веков / О.В. Гладкова – М.: Индрик, 2013. – 912 с.

4. Гладкова О.В. К вопросу об источниках и символическом подтексте Повести от жития Петра и Февронии Ермолая-Еразма / О.В. Гладкова // О славяно-русской агиографии. Очерки. – М.: РФК Имидж Лаб, 2008. – 256 с.
5. Гладкова О.В. Повесть от жития Петра и Февронии Муромских / О.В. Гладкова // История древнерусской литературы. Аналитическое пособие. – М.: Языки славянских культур, 2008. – С. 372–396.
6. Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник / В.О. Ключевский. – М.: Типография Грачева, 1871. – 465 с.
7. Лихачев Д.С. Культура Руси времен Андрея Рублева и Епифания Премудрого / Д.С. Лихачев. – М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1962. – 194 с.
8. Мита А. Поэтика сюжета «Повести о Петре и Февронии»: дис. ... канд. филол. наук / Аюми Мита. – СПб., 1997. – 180 с.
9. Норейко Л.Н. «Повесть о Петре и Февронии» как памятник истории русского литературного языка: по рукописи XVI в.: дис. ... канд. филол. наук / Л.Н. Норейко. – М., 1986. – 175 с.
10. Памятники литературы Древней Руси: XIV век – середина XV века. – М.: Художественная литература, 1981. – 600 с.
11. Повесть о Петре и Февронии / подготовка текстов и исследование Р.П. Дмитриевой. – Л.: Наука, 1979. – 275 с.
12. Ржиг В.Ф. «Повесть о Петре и Февронии» в русской литературе конца XVIII в. / В.Ф. Ржиг // Труды отдела древнерусской литературы. – М.; Л.: Наука, 1957. – Т. 13. – С. 431–436.
13. Ржиг В.Ф. Литературная деятельность Ермолая-Еразма / В.Ф. Ржиг // Летопись занятий Археографической комиссии. – Л.: Наука, 1926. – Т. 33. – С. 103–200.
14. Скрипиль М.О. «Повесть о Петре и Февронии» в ее отношении к русской сказке / М.О. Скрипиль // Труды Отдела древнерусской литературы. – М.; Л.: Наука, 1949. – Т. 7. – С. 131–167.
15. Сухова О.А. Древности Муромского Спасского монастыря / О.А. Сухова // Уваровские чтения – III. Русский православный монастырь как явление культуры: история и современность. Материалы научной конференции, посвященной 900-летию Муромского Спасо-Преображенского монастыря: Муром, 17–19 апреля 1996 г. – Муром: Муромский историко-художественный музей, 2001. – С. 27–33.
16. Ужанков А.Н. Повесть о Петре и Февронии Муромских / А.Н. Ужанков // Литература в школе. – 2005. – № 4. – С. 13–18.
17. Ужанков А.Н. Повесть о Петре и Февронии Муромских (Герменевтический опыт медленного чтения) / А.Н. Ужанков // Русский литературоведческий альманах. – М.: Пашков дом, 2004. – С. 7–35.

“A STORY ABOUT PETER AND FEVRONIA”: STYLISTIC FEATURES

Yevgeny V. Nikolsky, Avgustin Voloshin Carpathian University (Ukraine). E-mail: eugenius-09@ukr.net

DOI: 10.32342/2523-4463-2018-2-16-17

Key words: *Yermolai-Erazm, literature of the XVI century, specific character of style, writer's innovation, composition, antithesis, epithet, function of dialogue.*

The hagiographical Tale of Peter and Febronia has come down to us in the work of the sixteenth-century writer and publicist Ermolai-Erasmus. There is scant information about this writer's life. He came to Moscow from Pskov in the middle of the sixteenth century and became an archpriest in the court cathedral in Moscow, by the early 1560s took monastic vows (under the name of Erasmus) and possibly left the capital. His most important publicistic work was a treatise, in which he expresses the idea that peasants are the foundation of society: “First of all, the peasants are essential: from their labours comes bread, and from them most good things... and the whole country from the tsar down to the common folk is fed.” Believing the social inequality by which the peasant feeds his masters to be an inevitable phenomenon, Ermolai nevertheless suggests that the peasant's payments and taxes should be strictly defined and that he should be protected from oppression by state land surveyors and tax collectors. Such measures, in his opinion, would reduce “all manner of rebellion”.

As well as publicistic works Ermolai-Erasmus also wrote hagiographical ones, The Tale of Bishop Basil of Ryazan (later included in The Life of Prince Constantine of Murom) and The Tale of Peter and Febronia, which appear to have been based on a fifteenth-century vita.

The existence of a story of Peter and Febronia compiled before the end of the fifteenth century can be deduced from the fact that there is a fifteenth-century church service dedicated to Prince Peter of Murom who killed a dragon and to his wise wife Febronia, with whom Peter was buried in the same coffin. Evidently the basic subject of the tale dates back earlier than Ermolai-Erasmus.

The Tale of Peter and Febronia was closely connected with folklore and also related to the “itinerant subjects” of world literature. With regard to Russian folk tales it is closest to The Seven-Year-Old Girl and The Shorn Maid which are also about the marriage of a person of noble birth to a peasant girl who proves her wisdom by solving difficult tasks; here too is the motif of exiling the heroine who takes her dearest possession—her husband. The untraditional nature of the hagiographical Tale of Peter and Febronia evidently made it unsuitable for the hagiographical canons of the sixteenth century. Although created at the same time as the final version of The Great Menology (the Assumption and Tsar’s menologies), it was not included in them. The folklore elements in the tale, its brevity, and lack of conventional features made it unsuitable for the hagiographical school of Metropolitan Macarius. But it is precisely these features that make The Tale of Peter and Febronia one of the finest works of Old Russian literature.

References

1. Antonova, M.V. *Tvorchestvo Ermolaya-Erazma, pisatelya XVI veka*. Diss. kand. filol. nauk [The work of Hermolaus-Erasmus, writer of the sixteenth century]. Cand. philol. sci. diss.]. M., 1989, 210 p.
2. Beglov, A.L. *Ispytaniya dlya Petra i Fevronii: istoriya lyubvi* [Tests for Peter and Fevronia: a love story]. Available at: <https://www.pravmir.ru/ispytaniya-dlya-petra-i-fevronii/> (Accessed 21 September 2018).
3. Gladkova, O.V. *Zhitie Evstafiya Plakidyi v russkoy i slavyanskoy knizhnosti i literature IX—XX vekov* [Life of Eustache Placidus in Russian and Slavic Literature and Literature of the 11th-20th centuries]. Moscow, Indrik Publ., 2013, 912 p.
4. Gladkova, O.V. *K voprosu ob istochnikakh i simbolicheskom podtekste Povesti ot zhitiya Petra i Fevronii Ermolaya-Erazma* [To the question about the sources and symbolic subtext of the Story from the lives of Peter and Fevronia Ermolai-Erasmus]. *O slavyano-russkoy agiografii. Ocherki* [About Slavic and Russian hagiography. Sketches]. Moscow, RFK Imidzh Lab Publ., 2008, 256 p.
5. Gladkova, O.V. *Povest ot zhitiya Petra i Fevronii Muromskih* [Story from the lives of Peter and Fevronia of Murom]. *Istoriya drevnerusskoy literatury. Analiticheskoe posobie* [History of the old Russian Literature. The analytical book]. Moscow, Yazyky slavyanskyh kultur Publ., 2008, pp. 372-396.
6. Klyuchevskiy, V.O. *Drevnerusskie zhitiya svyatyih kak istoricheskiy istochnik* [The Old Russian hagiographies as a historical source]. Moscow, Tipografiya Tkachova Publ., 1871, 465 p.
7. Lihachev, D.S. *Kultura Rusi vremen Andrey a Rubleva i Epifaniya Premudrogo* [Culture of Russia of the times of Andrei Rublev and Epiphanius the Wise]. Moscow-Leningrad, Izd-vo Akademii nauk SSSR Publ., 1962, 194 p.
8. Mita, A. *Poetika syuzheta „Povesti o Petre i Fevronii“*. Diss. kand. filol. nauk [Poetics of the story „The Tale of Peter and Fevronia“]. Cand. philol. sci. diss.]. Saint Petersburg, 1997, 180 p.
9. Noreyko, L.N. *“Povest o Petre i Fevronii” kak pamyatnik istorii russkogo literaturnogo yazyka: po rukopisi XVI v.* Diss. kand. filol. nauk [“The Tale of Peter and Fevronia” as a monument to the history of the Russian literary language: according to a manuscript of the sixteenth century. Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 1986, 175 p.
10. *Pamyatniki literatury Drevney Rusi XVI vek – seredina XV veka*. [The sources of literature of Ancient Russia of the 14th century – the middle of the 15th century]. Moscow, Hudozhestvennaya literatura Publ., 1981, 600 p.
11. *Povest o Petre i Fevronii* [The Tale of Peter and Fevronia]. Leningrad, Nauka Publ., 1979, 275 p.
12. Rzhiga, V.F. *«Povest o Petre i Fevronii» v russkoy literature kontsa XVI v.* [“The Tale of Peter and Fevronia” in Russian Literature of the late 18th century]. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury* [Works of a Department of the old Russian Literature]. Moscow-Leningrad, Nauka Publ., 1957, vol. 13, pp. 431-436.
13. Rzhiga, V.F. *Literaturnaya deyatel'nost' Ermolaya-Erazma* [Literary activity of Yermolai-Erazma]. *Letopis zanyatyi Arheograficheskoy kovissii* [The annals of Harheographical commission employment]. Leningrad, Nauka Publ., 1926, vol. 33, pp. 103-200.
14. Skripil, M.O. *«Povest o Petre i Fevronii» v ee otnoshenii k russkoy skazke* [The Tale of Peter and Fevronia” in its relation to the Russian fairy tale]. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury* [Works of a Department of the old Russian Literature]. Moscow-Leningrad, Nauka Publ., 1949, vol. 7, pp. 131-167.
15. Suhova, O.A. *Drevnosti Muromskogo Spasskogo monastyirya* [The Antiquities of the Murom Spassky Monastery]. *Uvarovskie chteniya – III. Russkiy pravoslavnyy monastyir kak yavlenie kultury: istoriya i sovremennost. Materialy nauchnoy konferentsii, posvyaschennoy 900-letiyu Muromskogo Spaso-Preobrazhenskogo monastyirya: Murom, 17–19 aprelya 1996 g.* [Uvarov readings – III. Russian orthodox mon-

astery as the phenomenon of culture: history and the present. Materials of the scientific conference, devoted to the 900 anniversary of the Murom Savior-Preobrazhenskiy Monastery: Murom, on April, 17-19th 1996 г.] Murom., Muromskiy istoriko-hudozhestvennyi muzey Publ., 2001, pp. 27-33.

16. Uzhankov, A.N. *Povest o Petre i Fevronii Muromskih* [The Tale of Peter and Fevronia of Murom]. *Literatura v shkole* [Literature in School], 2005, no. 4, pp.13-18.

17. Uzhankov, A.N. *Povest o Petre i Fevronii Muromskih (Germenevticheskiy opyt medlennogo chteniya)* [The story of Peter and Fevronia of Murom. (Hermeneutic experience of slow reading)]. *Russkiy literaturovedcheskiy almanah* [Russian Hagyographpic Almanac]. Moscow, Pashkov dom Publ., 2004, pp. 7-35.

Одержано 21.09.2018.